

За такой настойчивостью чувствуется упорство, проявляющееся, по меньшей мере, в самой сложности образов, которые использовал Леонардо, а также, разумеется, в том риске, который он взял на себя, представив миру ересь, пусть даже столь хитроумную и тонкую. Возможно, как мы уже намекали, причиной столь большого количества незавершенных работ является не стремление к совершенству, но сознание того, что может случиться с ним, если кто-то, достаточно авторитетный, увидит сквозь тонкий слой ортодоксальности прямое богохульство, содержащееся в картине. По всей вероятности, даже такой интеллектуальный и физический гигант, как Леонардо, предпочитал быть осторожным, боясь запятнать себя перед властью, — одного раза было для него вполне достаточно¹¹. Однако нет сомнений, что ему не было нужды класть голову на плаху, вставляя столь еретические послания в свои картины, если бы у него не было страстной веры в них. Как мы уже видели, он далеко не был атеистическим материалистом, как утверждают многие наши современники. Леонардо был глубоко, серьезно верующим, но его вера была полной противоположностью тому, что тогда — да и сейчас — является главным руслом христианства. Эту веру многие называют оккультной.

Большинство людей в наше время, услышав этот термин, немедленно представляют себе нечто отнюдь не положительное. Обычно его используют применительно к черной магии, или к ужимкам откровенных шарлатанов, или для обозначения и того и другого. Но на самом деле «оккультный» означает всего лишь «скрытый» и часто используется в английском языке в астрономии, когда один небесный объект перекрывает другой. В отношении Леонардо всякий согласится: конечно, хотя в его жизни и были греховные ритуалы и отправления магии, все же правда и то, что прежде всего и превыше всего он искал знания. Большинство из того, что он искал, было, однако, эффективно загнано в подполье, превращено в оккультное обществом и, в частности, одной могущественной и вездесущей организацией. В большинстве стран Европы Церковь не одобряла научных занятий и решительными мерами заставляла замолчать тех, кто обнаруживал свои неортодоксальные взгляды или мнение, расходящееся с общепринятым.

Но Флоренция — город, в котором Леонардо родился и где при дворе началась его карьера, — была процветающим центром новой волны знаний. Произошло это только потому, что город стал убежищем для большого количества влиятельных магов и людей, занимавшихся оккультными науками. Первые патроны Леонардо, семья Медичи, которая правила Флоренцией, активно поощряли занятия оккультизмом и платили немалые деньги за розыск и перевод особо ценных старинных манускриптов. Это увлечение сокровенными знаниями в период Ренессанса нельзя сравнивать с современными газетными гороскопами. Хотя иногда области исследований были — и это неизбежно — наивными или просто связаны с суевериями, гораздо большую их часть можно назвать серьезной попыткой понять Вселенную и место человека в ней. Маги, однако, шли несколько дальше — они искали пути управления силами природы. В таком свете становится понятным: нет ничего особенного в том, что Леонардо в числе прочих активно занимался оккультизмом в то время, в таком месте. Уважаемый историк Дейм Френсис Йейтс выдвинула предположение, что ключ к пониманию гения Леонардо, который простирается столь далеко в будущее, лежит в современных ему идеях, связанных с магией¹².

Подробное описание философских идей, доминировавших в оккультном движении Флоренции, вы найдете в нашей предыдущей книге¹³, но в основе воззрений всех групп того времени был герметизм, названный по имени Гермеса Трисмегиста, великого, легендарного египетского мага, в трудах которого была построена логичная система магии. Наиболее важной концепцией этих воззрений был тезис об отчасти божественной сущности человека — тезис, столь сильно угрожающий власти Церкви над умами и сердцами людей, что он был обречен на анафему. Принципы герметизма отчетливо прослеживаются в жизни и работах Леонардо, но, на первый взгляд, существует разительное противоречие между этими